

Сноха

Жил-был старик, у него было три дочери. Собирали в деревне сходку, бросали жеребий. Досталось старику по жеребию в солдаты идти. Пришел он домой, рассказывает: «Дочки, досталось мне в солдаты идти!». Большая дочь и говорит: «Батюшка, дай мне за тебя в солдаты идти!». — «И, дочка, куда тебе? Разве ты можешь в солдатах служить?». — «И, батюшка, ничего!». Взяла она ружье, ранец, шинель, пошла. Идет, навстречу ей заяц. Она испугалась, воротилась домой. Другая дочь и говорит: «Батюшка! Дай-ка я за тебя пойду служить!». Эта тоже обулась, оделась, ранец подвязала. Встретился с ней волк. Она испугалась, вернулась назад.

Потом меньшая дочь говорит: «Батюшка! Дай я за тебя пойду служить!». — «Две старшие ходили, испугались, а ты и вовсе испугаешься!». — «Ничего, батюшка, может, и не испугаюсь!». Взяла ружье, ранец, шинель, пошла. Идет ей навстречу медведь. Она ружье зарядила, выстрелила, пальчик отшибла, завязала в платочек, положила в карман. Пошла за отца служить.

Сколько годов она служила, очень ладно с товарищами жила, никто не узнал, что она женщина. Ну вот пригнали их в деревню, поставили на квартиру. Там хозяйка и говорит: «Служивый! Это с тобой, должно быть, женщина служит!». — «Нет, говорит, это мужчина». — «Испытаем, говорит, возьми ты сена: под женщиной сено почернеет, а под вами зеленое останется». Так и сделали, легли спать. Поутру она рано встала, сено свое перевернула. Солдат говорит: «Нет, хозяйка! Трава все равно, что под мной, что под ней!». — «Ну, погоди! Мы баню истопим. Ступайте в баню мыться вместе!». Посылает она их в баню. Пошли они. Только солдат разобрался, она и говорит: «Ах, мыло-то мы с тобой забыли! Беги за мылом!». Солдат пошел на квартиру за мылом, приходит, а она уж выпарилась. «Э, брат, я тебя ждал, да уж и выпарился!». Пришел солдат. «Ах, говорит, хозяйка, покуда я пробегал, он выпарился!». Получили они отставку, пошла она домой.

Приходит она домой. Отец встречает ее, очень ей рад. «Эх, матушка! Как ты служила?». — «Слава богу, батюшка!». — «Как же ты пошла в полк?» — говорит. «Да так, говорит, пошла: иду — навстречу мне медведь идет, я ему пальчик отшибла. Вот и пальчик!». Отец и говорит: «Это мой пальчик!». Значит, отец оборачивался медведем, стращал ее. Вот она сидит, гутарит

(разговаривает) с отцом, рассказывает, а товарищ ее, который вместе с ней служил, оборотился кошкой, стоит под окошком, кричит. Отец и говорит: «Открой, матушка, окошко, пусти кошку!». Вот она окошко отворила, кошка эта схватила эту девку (что была в солдатах), посадила на себя и понесла. Вот через реку Оку несет, она с себя перстень сняла, в реку кинула. «Когда, говорит, мой перстень зарастет травой-муравой, тогда я буду свекра с свекровью звать, а тебя мужем нарекать».

Женился он на ней, пришел к отцу своему. Свекровь и свекор ходят за ней, она и не смотрит. Вот свекровь и начала на нее нападать: «Ступай, говорит, серых овец брей!». А у ней серые овцы — волки. Вот она пошла в лес, а муж и говорит: «Друг мой милый! Она тебя не овец посылает брить, а волков!». Она пошла в лес, села на дуб и кричит: «Уж вы волушки, уж вы серушки! Сходитесь, собирайтесь, в одно лукошко стригитесь!». Волки собрались, в одно лукошко постриглись. Принесла она шерсть свекрови. «Ах, негодная, ее и волки не едят!».

«Ступай, шельма, ступай, негодная! На коровник тебя, моих бурых коров дой!». Муж опять ей говорит: «Друг мой милый! Она тебя не коров посылает доить, а медведей». Вот она пошла, села на дуб, кричит: «Вы, медюшки, вы, батюшки! Сходитесь, сбирайтесь, в один дойник дойтесь!». Они пришли, полный ей дойник надоили. Она пришла, поставила на лавку. Свекровь опять говорит: «Ах, шельма, эх, негодная! Ее и медведи не едят!».

«Поди, говорит, к моей сестре, попроси у ней бердечка!». Муж опять ей говорит: «Друг мой милый! Она тебя не к сестре посылает, а к яге-бабе! На тебе ком масла, гребенку, щетку, камышек! Ты коту ком масла дай, он тебе бердечко отдаст». Вот она шла, шла, стоит избушка середь поля на куриных лапках, на веретенных пятках. Она подошла, стучит у окошка, Баба-яга спрашивает: «Кто тут?». — «Тетушка! Дай матушке бердочка!». — «Поди, племянница, посиди, а я пойду бердочко принесу!». А сама побежала зубы точить. Она бросила коту ком масла. Кот и говорит ей: «Ты плюнь под порог, твои слюни и будут откликаться!». Она плюнула под порог, взяла у бабы-яги бердочко и ушла. А баба-яга поточит, поточит зубы. «Племянница! Ты тут?». Слюни-то и откликаются: «Тут, тетушка, тут!».

Вот бага-яга наточила зубы, в избу вошла, ее нету. «Где ж племянница?» — спрашивает у кота. Кот говорит: «Я не знаю». Вот бага-яга на железную ступу села, железным толкачом погоняет и в погоню!.. Почти догоняет ее баба-яга. Она щетку и кинула, и откуда сделался тростник! Баба-яга давай зубами тростник косить, весь его покосила. Опять догоняет. Она бросила

гребенку, и откуда взялся березник! Баба-яга весь березник зубами порубила. Села на железную ступу, железным толкачом погоняет. Опять догоняет. Она кинула камушек. Откуда взялась река. Вот баба-яга кинулась в реку пить, пила, пила, ее разорвало, эту ягу-бабу.

Вот она принесла бедро, положила на лавку. Свекровь и говорит: «Ах, шельма, ах, негодная! Ее ни волки не едят, ни медведи не едят, ни баба-яга не ест. Ступай, шельма, ступай, негодная, с мужем рыбу ловить!». Только влезли в пруд, стали рыбу ловить, она перстень и выудила. «Ах, говорит, я перстень свой поймала: оброс весь травой-муравой!». Пришли домой. Стали жить да поживать.

(Село Мишино Зарайского уезда)

Великорусские сказки в записях И. А. Худякова. Издательство "Наука".
Москва-Ленинград, 1964.